

МЫ ЗА НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ОБРАЗОВАНИИ (ИЗ ПРИВЕТСТВИЯ I СЪЕЗДУ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ОБРАЗОВАНИЯ)



Ю.П. Зинченко на фото на переднем плане (слева)

Зинченко Юрий Петрович,
академик РАО, профессор,
вице-президент РАО, декан
факультета психологии
МГУ им. М.В. Ломоносова,
г. Москва

Весь федеральный округ собрался на этот съезд, и мы можем выступить сразу перед всем Дальним Востоком.

2016 год прошёл под знаменем 120-летия Льва Семёновича Выготского, нашего

отечественного психолога с самым большим индексом цитирования. «Моцартом психологии» называют его наши англо-саксонские коллеги, и он им, безусловно, и является. Для нас это та базовая величина, которая помогала создавать и стандарты образовательные (тот школьный образовательный стандарт, который сейчас имеется, базируется на культурно-деятельностном подходе Л.С. Выготского). «Добавьте физики! Добавьте химии или биологии!», – требуют предметники и ругаются между собой за дополнительные часы. Но при этом забывают, что есть ещё РАО - психологическое бюро стандарта, чей опыт многими нашими зарубежными коллегами перенимается. Образовательные реформы, которые сейчас идут в Европе и Северной Америке, как раз страдают тем, что плагиатным образом пользуются нашими психологическими профстандартами. При всей критике, которую справедливо и часто в адрес школьного стандарта мы слышим,

всё-таки необходимо к нему подходить достаточно аккуратно, осторожно и найти в нём то, на что можно опереться и дальше двигаться.



Идёт заседание I Съезда Дальневосточного регионального центра РАО

Есть другая проблема – при наличии этого психологического ядра стандарта, который для психологов ясен, конкретен и понятен, существует сложность в том, чтобы суметь донести его до каждого учителя и педагога-предметника. Надо доводить это до сведения педагогов через систему институтов развития образования, которые раньше у нас назывались Институтами повышения квалификации учителей.

Есть момент, который технологически нужно проработать на уровне педагогического образования классических университетов и привнесения новых технологий в педагогическое образование. Это одна из таких важных задач.

В связи с расширением нашего информационного пространства у людей наблюдаются отклонения в физическом

состоянии, негативные эмоциональные состояния. Появляются варианты киберзависимости и изменения в сексуальном поведении, т.е. цифровая среда несёт нам большое количество этих неприятностей. Даже поведение, связанное с риском для жизни и опасное для здоровья. Клинические психологи отмечают явление психологической анорексии: суицидальное поведение, употребление психотропных препаратов, которые с помощью сети распространения стали достаточно доступными. Много вопросов связано в агрессивном поведении с такими модными терминами, которые уже вошли в наш лексикон, как «кибербуллинг» (*унижение и травля с помощью мобильных телефонов – ред.-сост.*) и вопросами девиантного (*отклоняющегося – ред.-сост.*) и противоправного поведения в сети. И сегодня в действии те документы, которые ожидалось и могли быть приняты несколько раньше. Разрабатывая их, мы ориентировались на стратегию научно-технологического развития, где обозначены те риски, которые стоят перед обществом, перед экономикой и перед системой образования.

Не так заметно 9 мая 2017 года прошла отдельная «Стратегия развития информационного общества в РФ на период до 2030 года». Это большой документ, и в нём подробно прописываются вопросы цифровой экономики и цифрового образования. Перед нами уже стоят вопросы цифровой педагогики, цифровой дидактики – то, что в системе РАО разрабатывается как тематика программы фундаментальных научных исследований. Указ президента по объявлению в РФ в 2017 – 2028 гг. «Десятилетия детства» прорабатывался, непосредственно, по инициативе Людмилы Алексеевны Вербицкой – президента РАО. Указ долго разрабатывался, потому что проблема детства в качестве фундаментальной нигде не была представлена, но мы понимаем, что инвестиции в будущее подразумевают инвестиции в детство и в его изучение.

Распоряжением правительства несколько раньше была утверждена «Концепция информационной безопасности детей и подростков». Это большой документ, который разрабатывался

членами РАО, Московского и Санкт-Петербургского университетов и рядом других вузов и научных учреждений.

Недавнее постановление правительства в январе 2018 года «Об изменениях в порядке разработки и утверждения федеральных государственных образовательных стандартов», в первую очередь, касается стандартов общего образования. Необходимо будет учитывать научную экспертизу, которую будут проходить в РАН и РАО, и теперь только после проведения экспертной комиссии и с согласия экспертных организаций министерство сможет вносить изменения в стандарт. Если раньше это можно было делать, просто вводя приказом по министерству изменения и ни с кем не обсуждая, не согласовывая, то теперь это уже целая процедура.

Что касается «Концепции информационной безопасности», то хочу пояснить, что скрывается за этими скучными словами. Вы, наверное, помните – у нас когда-то был телевизор, и на нём не было кружочка, где обозначали 6+, 0+, 18+. Теперь же возникла потребность регулировать вредное воздействие информационного контента и на телевидении, и в сети интернет, и во всех информационных ресурсах. И вы помните, принятие информационного закона («Мизулинского закона») было резонансным. За Закон, в соответствии с которым необходимо было преодолеть воздействие вредной информации на детей и подростков, отвечал Роскомнадзор. Но Закон был, а подзаконных актов и механизмов его реализации не было. Здесь надо отдать должное Роскомнадзору, который обратил внимание, что у нас правоохранительные органы слишком прямо понимают какие-то нормы, прописанные в Законе, и могут признать виновными директора школы или библиотеки даже на основании того, что, например, книжки неправильно стоят на полках. И тогда, чтобы помочь Роскомнадзору правильно регулировать, был разработан пространственный документ «Методика возрастной классификации». Он вызвал сначала бурную реакцию в нашей отрасли и индустрии СМИ: «Как же так, ведь нам же теперь надо всё это классифицировать?»



Выступают с докладами участники I Съезда
Дальневосточного регионального центра РАО

Как ни странно, но первые, кто от этого пострадали, были детские каналы. Каналам 18+ было как-то проще, а детским пришлось вымыть часть содержания. Многие создатели шли по пути, чтобы меньше разбираться со всеми правоохранительными органами, они ставили 18+, и получилось, что показывать нечего, смотреть некому. Чтобы этих деформаций и перегибов не было, такие вот методические рекомендации и были своевременно сделаны.

Второй момент, тоже непосредственно связанный с этой концепцией, это «Методические рекомендации по обеспечению безопасности детей и подростков в интернете» и «Рекомендации по освещению суицидального поведения в средствах массовой информации и социальных сетях».

С одной стороны, есть свобода слова, которая гарантирована конституцией, к ней всегда апеллируют наши коллеги-журналисты, с другой стороны, мы прекрасно помним из истории, когда с помощью слишком эмоционального, не взвешенного обсуждения вызывается резкий всплеск интереса к чему-то негативному, особенно со стороны молодёжной подростковой аудитории. И мы это с психиатрами наблюдали, когда смотрели статистику по суицидам, которая, действительно, долгое время не шла на убыль.

Отдельный документ, который позволяет теперь психологам с большей уверенностью смотреть в будущее и находиться в системе образования - это подписанная 17 декабря министром образования Ольгой Юрьевной Васильевой «Концепция развития психологической службы в системе образования РФ на период до 2025 года». Уже все устали от слова «концепция», так много их принимается. Но впервые документ разрешает ситуацию, которая началась у нас в 1989 году: тогда союзным министерством просвещения впервые был издан приказ о введении школьных психологов. И это было воспринято очень хорошо, поскольку востребовано и нужно. Мы помним времена, когда у нас хороший школьный учитель физкультуры за 9 месяцев становился школьным психологом. С одной стороны, эту ставку ввели в школе, а, с другой стороны, был вопрос, как её заполнить. И такие вот «девятимесячные» психологи у нас тогда появлялись. И какую-то часть проблемы тогда снимали. Шло время, а ничего особо-то и не менялось. Затем в системе педагогического образования возникло направление «педагог – психолог». У нас есть психологи, которые готовятся по педагогическому образованию, а потом, как ни странно, вдруг возник «педагог-психолог». Когда у нас психолог пришёл в школу, то он не относился к педагогическому составу, а приравнивался к



Рабочие моменты I Съезда Дальневосточного
регионального центра РАО



Участники I Съезда Дальневосточного регионального центра РАО за работой

обслуживающему персоналу – уборщице, гардеробщице и так далее. Существовал вопрос, как это достойно совместить с получением необходимого ему соцпакета и профессиональным высшим образованием? Эти моменты не способствовали притоку высокопрофессиональных и квалифицированных кадров в школу.

Эту совокупность проблем можно продолжать и дальше – в отношении бюджетных мест. Если кто-то обучался на психолога и затратил большие средства, то ожидать, что после этого он побежит работать в школу, не приходилось. Возник большой разрыв между теми достижениями, которыми психологическая наука наша гордится, и которые являются общепризнанными в международном образовательном и психологическом пространстве и тем, что у нас в школе оказалось не так много проводников. Психолог, который занимает должность педагога-психолога, в среднем, один на две школы, и один такой педагог-психолог – на три дошкольных учреждения. Представляете, что это такое, и насколько эффективно это работает.

Предполагалось, что если в вузе есть факультет психологии, то там не нужна психологическая служба или психологическое сопровождение. Сейчас мы это ощущаем. В школе образование выстраивается по принципу «всё для фронта, всё для ЕГЭ», а потом молодёжь приходит в университет – фронта уже нет, ЕГЭ –

тоже. До первой сессии никто никого не трогает, а потом вдруг выясняется, что надо зачёты сдавать и после этого ещё успеть подготовиться к экзаменационной сессии. Поэтому адаптация после школьных форм обучения к университетским образовательным формам – это тоже отдельная задача. Как заявляет министерство здравоохранения, у нас здоровыми школу заканчивают порядка 15 – 17% обучающихся. Можно представить, из каких ребят у нас идёт набор в вузы, а это тоже не самым положительным образом сказывается на эффективности образовательного процесса.

В новой концепции Васильевой все эти моменты отражены. Её подготавливали долго – в течение двух лет, Ольга Юрьевна этот процесс ускорила. Учтены в ней и «Конвенция о правах ребёнка», и федеральный «Закон об образовании». Хотя в самой концепции указывается на необходимость изменения соответствующих статей в Законе. Либо психолог приходит и работает, не занимаясь дополнительными согласованиями по каждому поводу, либо он всё согласовывает с руководством школы и с родителями. Надо найти компромисс, и, не нарушая прав ребёнка и родителей, выстроить при этом работу так, чтобы она не потеряла своей эффективности.

Здесь вопросов очень много, и кроме профессиональных и административных моментов, это, конечно, ещё и работа с педагогическим сообществом, с родительской общественностью. Необходимо создание определённого общественного мнения и поднятие общей психологической культуры. А психолог – лишь один из элементов этой культуры.

Академик Лаптев Владимир Валентинович у нас возглавляет Совет по образованию, который является руководящим органом по реформе педагогического образования РФ. Совет рассматривает вопросы его модернизации. Большой блок связан с тем, чтобы поднять психологические компетенции учителя. Вопрос состоит в том, как учителю передать психологические технологии, которые помогали бы ему прийти сегодня в класс и более уверенно, более спокойно проводить урок. Это вопросы мотивации – насколько

ВУЗЫ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ

долго можно удерживать внимание этого школьника? Это и вопросы информационных технологий: три четверти времени студенты и школьники проводят в гаджетах. Меняется сильно роль педагога, и он должен быть вооружён этими психологическими технологиями, чтобы оставаться авторитетом в школе. Психологи, конечно, могли бы помочь в этой части компетенции преподавателей.

Когда вы посмотрите на принимаемые в министерстве документы через призму повседневной деятельности, то придёте к пониманию, что единую психологическую модель для педагогов всех уровней в нашей большой стране создать невозможно. Речь идёт о создании адекватных моделей, и этот процесс будет упираться в ресурсы, а здесь многое лежит на плечах субъекта федерации. В нашем подходе к образованию надо учитывать и все региональные особенности. Конечно, у психолога должна быть возможность для творчества, но должен быть и стандарт – тот минимальный уровень, который обеспечивает выполнение тех целей и задач, которые есть.

Отсутствует пока единая система повышения квалификации специалистов, не сформирована единая система оказания психологической помощи на разных уровнях образования. В школе, помимо оценок, важна и эмоционально-волевая сфера деятельности ребёнка, иначе такое внимание к ребёнку будет заполняться деформированными сюжетами, которые черпаются из сети и приводят к тому, что случилось в Ивантеевке, а затем в Перми. Если мы даём образцы поведения только на уроках, а другая часть жизни ученика у нас не нормируется и выносится за скобки воспитательного процесса в образовательном учреждении, то «свято место пусто не бывает».

Наше научно-методическое обеспечение подразумевает организацию и проведение фундаментальных исследований современного детства на междисциплинарной основе (через все РНЦ РАО мы будем эту тематику проводить и сетевым образом распределять); координацию деятельности междисциплинарных исследований в интересах развития службы по созданию единой

национальной системы использования стандартизированных психодиагностических методов и инструментариев; проведение регулярных общероссийских популяционных исследований современного ребёнка.

Мы говорим, что Министерство образования РФ должно принимать какие-то управленческие или законодательные решения. Вопрос вполне риторический – насколько мы знаем современного ребёнка, насколько мы изучили современное детство? Последние популяционные исследования проводились



ещё в Советском Союзе, около 50 лет назад. Тогда можно было говорить о стандартах и обо всём остальном. Сейчас, чтобы менять нормы, касающиеся физиологии или психологических характеристик современного ребёнка, таких сведений нет в целом по стране. Поэтому, когда мы говорим: «Ой, давайте изменим стандарт,

поскольку у них клиповое мышление, суженное сознание», то об этом можно говорить только на уровне качественных оценок. Но вопросы, насколько этот наш современный ребёнок изучен, и насколько велика разница и разрыв между нашим «аналоговым» поколением родителей (дедушек и бабушек) и «цифровым» поколением наших детей – очень актуальны.

Это большая проблема, которая требует внимания, и научно-методически она пока никак не обеспечена. Это отдельная задача для РАО, которая ставится перед нами правительством и администрацией президента. И здесь без региональных научных центров мы ничего не можем сделать, иначе в исследованиях будут представлены только Московский и Санкт-Петербургский регионы, а это в масштабах всей страны даст излишне усреднённый результат.